

Гу Чжису, услышав, что Синь Юаньань знает об этом, действительно был удивлен. Хотя гнев еще не полностью утих, его выражение лица смягчилось. Он пристально посмотрел на Мин Лин некоторое время, а затем с некоторым недоверием спросил:

— Ты говоришь, что Чаньань знает?

Мин Лин знала, что это дело в конечном итоге невозможно скрыть, и, опустив голову, молча признала это. Мин Цин знал внутреннюю суть дела, но также знал, что Мин Лин обещала Синь Юаньаню не говорить правду Гу Чжису, поэтому, услышав это, он лишь молча вздохнул.

— Если господин действительно хочет знать, все же лучше сначала спросить у Пятого принца, это будет более уместно.

— Хорошо... Вы сейчас, от имени Цюньхуа, отправьте письмо Чаньаню.

Гу Чжису, услышав, как они оба это сказали, вспомнил, что нефритовую табличку Цюньхуа ему лично вручил тот человек, и тот также сказал ему, что внутри этой таблички скрыта тайна. Он все еще помнил тот вечер, когда тот человек вручил ему табличку — именно в тот день он порвал с Цзюнь-ши.

Похоже, то, что тот человек скрывал от него, возможно, было секретом, который для него трудно принять.

Подумав об этом, Гу Чжису успокоился, закрыл глаза и глубоко сказал:

— Я хочу немедленно его видеть.

Мин Лин, видя, что его выражение смягчилось, невольно выдохнула, не смея медлить, и поспешно низко ответила:

— Да, господин.

После того как был подан обед, Гу Чжису только что отложил палочки и чашки, как снаружи послышались шаги.

Цинхуань низко склонилась, убирая посуду, и увидела, как вошла служанка с чистыми и красивыми чертами лица, выглядевшая примерно одного с ней возраста, но высокого роста. На мгновение она подумала, что та ошиблась дверью, и как раз собиралась спросить, но увидела, что служанка поклонилась ее молодому господину, и это выглядело так, будто она очень хорошо знакома с ее господином.

— Юэ Яо видела господина.

В ее сердце возникло большое любопытство, и она хотела узнать, кто же эта служанка, но прежде чем она успела рассмотреть ее подольше, Ляньчжу и Ху Цинь-эр с обеих сторон опять вывели ее за руки, оставив в комнате только двух людей: одного сидящего и одного стоящего.

Гу Чжису, увидев, что она пришла одна, понял, что Синь Юаньань, вероятно, был задержан чем-то во дворце. Темнота в его взгляде немного ослабла:

— А где ваш господин?

Юэ Яо видела, что выражение его лица светлое, словно он не рад, и не знала, по какой причине Гу Чжису, который не видел их так давно, полон гнева, и почему сообщение,

отправленное во дворец, было таким экстренным, определенно требующим как можно скорее поторопить Синь Юаньяня прийти сюда.

Но глядя на выражение лица Гу Чжису, когда она снова заговорила, она невольно стала осторожнее:

— Господин, моего хозяина позвал Его Величество, и до сих пор он еще не вышел.

— В таком случае, иди назад, — Гу Чжису поднял глаза и посмотрел на Юэ Яо. Видя, что она немного тревожится перед ним, он догадался, что его выражение напугало ее, и когда его черные глаза медленно опустились, он не смог помочь, но тяжело вздохнул и махнул рукой. — Когда он выйдет, пусть немедленно придет ко мне.

Юэ Яо видела, что хотя его выражение холодное, тон стал ниже, и немедленно низко поклонилась уважительно:

— Да, господин.

После того как фигура Юэ Яо исчезла, Гу Чжису сел перед столом, поднял кисть и медленно рисовал ветку цветка груши. У ушей звучал голос Ляньчжу и Ху Цинь-эр, тихо объясняющих что-то Цинхуань снаружи, а когда его взгляд опустился, он блуждал, и лишь спустя долгое время медленно застыл на одной точке, незаметно для самого себя погрузившись в задумчивость.

Неизвестно сколько времени прошло, капля густой чернила застыла на кончике кисти, готовая упасть, но не падая, внезапно была вырвана чьей-то рукой.

Гу Чжису резко обернулся и увидел, что тот человек в какой-то момент стоял недалеко позади него, положил кисть из его руки, а затем опустил голову и посмотрел на него. Когда его высокая фигура слегка наклонилась, заструился горячий запах дыхания, ударивший в лицо. В тех темно-синих глазах было немного усталости, но больше было глубины, подобной туману.

— Яожун.

Гу Чжису увидел, что на его лице есть немного усталости, и знал, что это из-за дел Императора во дворце. Он хотел спросить, что же случилось с тем человеком, но вспомнил о секрете, который скрывала Цюнхуа. Он посмотрел на ситуацию за окном и обнаружил, что во дворе нет ни одной человеческой фигуры; очевидно, тот человек после прихода уже специально дал указания. Кроме того, солнце на небе уже немного отклонилось, прошло уже долгое время после полудня. Не желая больше задерживаться, он медленно опустил глаза и тихо спросил:

— Ты знаешь, за каким делом я тебя ищу?

Синь Юаньянь смотрел на него, сидящего на стуле, с опущенным лицом, не смотрящего на него, и его взгляд мгновенно стал мрачным:

— ...Да.

Пальцы Гу Чжису стучали по столу, и, услышав, как он произнес это слово, последовала долгая тишина. Думая, что он продолжит скрывать, гнев в его сердце, который еще не потух, разгорелся еще сильнее. Он резко встал и, глядя ему в лицо, сказал:

— Дошло до этого, и ты все еще хочешь скрывать от меня?

— Если ты действительно хочешь знать, я больше не буду скрывать от тебя.

Синь Юаньань знал, что он по-прежнему все еще сохраняет несколько чувств к Цзюнь-ши, поэтому, услышав, что Цюнхуа следила за Двором Мяююэ, у него была такая реакция. А тот секрет о происхождении, он не мог скрывать всю жизнь.

— Я также не намеренно хотел скрывать от тебя, я просто... просто немного боялся.

Гу Чжису, услышав это предложение, вслед за этим резко повернулся, его фигура скрылась в темноте комнаты, и он невольно немного смягчился в сердце, гнев также вслед за этим погас. Он тяжело вздохнул, подошел к тому человеку сзади и только хотел поднять руку, чтобы схватить того человека за запястье, как снова услышал голос того человека, внезапно прозвучавший в ушах, словно громовой раскат.

— Яожун, ты не являешься человеком клана Гу.

Рука Гу Чжису мгновенно остановилась в воздухе, и выражение всего его лица изменилось. Он с некоторым недоверием поднял голову и пристально смотрел на его спину некоторое время, обнаружив, что он не шутит, и даже голос стал невольно немного сухим:

— Ты... что ты имеешь в виду, говоря эти слова?

— Цюнхуа — это вещь, которую твоя родная мать оставила тебе.

Синь Юаньань стоял к нему спиной, колебался очень долгое время, пальцы невольно сжались, и он подсознательно опустил свой голос, словно боясь потревожить что-то, объясняя слово за словом.

— В тот день, когда ты порвал с Цзюнь-ши, я последовал за тобой в Двор Мяююэ. После того как ты ушел, я был разозлен на твою мать за то, что она может быть так жестока к тебе, и прямо появился перед ней, чтобы вынудить спросить, но не думал, что по стечению обстоятельств узнал, что ты не родной ребенок Цзюнь-ши, и даже больше не сын Гу Вэньмяня.

Гу Чжису смотрел на него в оцепенении. Если смотреть с поверхности, выражение его лица все еще было спокойным, как и раньше, но пальцы, скрытые в рукаве, на самом деле начали дрожать, и он хрипло тихим голосом спросил:

— Я... не сын клана Гу?

— Ты с Гу Вэньмянем, а также с Цзюнь-ши, очень не похожи внешне. Этот момент, ты такой умный, должен был заметить.

Синь Юаньань, говоря это, казалось, немного успокоился, медленно повернулся, чтобы лицом к нему, и холодными кончиками пальцев провел от его межбровья, а затем направился к уголкам глаз и губ.

— Только ты много лет был в клане Гу, думая, что ты человек клана Гу, поэтому всегда закрывал глаза на это. К тому же ты всего лишь сын наложницы, в глубоких дворах красивой внешности достаточно, чтобы тебя могли рассматривать как инструмент для брачного союза, и еще кто будет управлять сыном наложницы, действительно ли он похож на законного отца.

Гу Чжису поднял руку и схватил его пальцы, но в следующий момент снова резко разжал. Выражение его лица было словно внезапно испуганным от пробуждения от сна, в глазах нельзя

было скрыть выражение страха.

Синь Юаньань увидел его реакцию, тонкие губы слегка изогнулись, выявив горькую улыбку, зная, что тот человек, внезапно услышав эту новость, непременно мысли будут плавать и трудно остановиться. Даже он сам, только что узнав это дело, также чувствовал волнение в сердце и не знал, как поступить. Подумав об этом, он вздохнул, поднял руку и обнял того человека, опустил голову и поцеловал в ухо, и только после этого продолжил говорить:

— Я не знаю, как зовут твою мать, только знаю, что она и моя матушка были старыми знакомыми, и изначально была госпожой, которой служила Наложница Цзюнь. В то время ребенок Наложницы Цзюнь родился мертвым и умер, а твоя мать как раз оставила тебя и ушла в мир иной. Наложница Цзюнь, чтобы завладеть этим острым оружием Цюнхуа, выдавала тебя за ее собственного ребенка все это время.

Гу Чжису был им так крепко обнят, жесткое тело лишь спустя долгое время расслабилось. Он только чувствовал перед глазами размытость, сердце снова и снова поднималось и падало волнами, не мог помочь, но низко опустил голову и прислонился к плечу того человека, не зная, как долго прошло, прежде чем открыл рот и спросил:

— Это сказать, она не моя мать?

— Конечно, нет.

Синь Юаньань похлопал его по спине, обнимая еще крепче:

— Человек, который знает все это дело целиком, это тетя Мин Лин. А то, что я знаю, это только это...

<http://bllate.org/book/16652/1526474>